

поражает многомыслие и многословие книг, написанных, по сути дела, об одном и том же предмете. Человек маркетинговой цивилизации входит в храм своего времени, в котором по-прежнему процветает божество познания и по-прежнему требует пожертвований для своего существования. Разнообразие суждений, представленных здесь, шокирует и сбивает с толку, но оно уже не может быть (как, впрочем, и не могло быть никогда) элиминировано, но может быть упорядочено знанием истории представленных здесь суждений. Это знание называется историей философии.

Да, совсем забыл: само же слово «философия» принято к употреблению человеком уже следующего поколения греческих мыслителей — Пифагором. Но об этом мыслителе — отдельный разговор.

А. В. ЦЫБ

ЭТРУССКОЕ ЗЕРКАЛО*

(из цикла «Борхесианские исследования»)

Моему другу Андрею Петрову

«Дело в том, что дальше идет необыкновенно длинная и суровая речь о зеркале, предмете настолько ужасном, что Пудент едва не надорвался, восклицая: “У философа есть зеркало! Философ обладает зеркалом!”»

Апулей. «Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии»

Сейчас я рассказываю только свою собственную версию события, которое произошло в тот необычный июньский день. И сразу хочу оговориться, что всякая версия, изложенная доверительно, — не более чем версия. И это происходит даже не потому, что все на свете «таково не более, чем таково». Дело даже не в этом. А скорее в том, что всякий человек, если он стремится показаться справедливым, рассказывает только то, на что он имеет право, и обязан опустить в своем рассказе то, что может составить мнение другого очевидца. Стремясь к справедливости в суждениях, я полагаю, следует оставить за пределами версии и свои догадки о вещах, ставших причиной повествуемых событий, как бы истинны они ни казались рассказчику, если эти догадки могут быть хоть как-то неправильно истолкованы. Ведь что чаще всего бывает предметом праздных и противоречивых истолкований, как не вероятностное знание? Я хочу предупредить об этом потому, что от другого очевидца, скорее всего, можно будет услышать совершенно иной вариант этой истории, на что, впрочем, любой рассказчик, как любой внимающий имеет свое собственное полное право. Ведь каждый рассказчик — мера своих историй, истинных, поскольку они истинны для него, и неистинных, поскольку они для него не истинны. Итак, только факты. . .

В не очень раннее утро того самого дня Андрей Вениаминович Камнев внимательно рассматривал изображение своего лица по ту сторону серебряной глади. Он имел привычку смотреть в зеркало только дважды день: утром и вечером. Поэтому, что был глубоко убежден, что зеркало — именно тот предел мира, который

* Впервые рассказ опубликован в журнале «Санкт-Петербургский университет». 2000, № 24.

© А. В. Цыб, 2002

способствует еженощному уходу человека из реальности и ежедневному обратному возвращению в нее. Умывание, бритье, нанесение на лицо ароматического лосьона, гладкое движение расчески по влажным волосам — это все только определенного рода ритуал, с помощью которого человек совершает шаг через порог, отделяющий для него один реальный мир от другого, а точнее — один нереальный мир от другого нереального, так как Андрей Вениаминович был глубоко убежден и в том, что подлинная жизнь для всякого человеческого существа сосредоточена в нем самом, в его «феноменологическом эго», благодаря чему этот суточный переход из одной действительности в другую становится возможным воспринять, выражаясь по Канту, через «единство апперцепции». Он думал также о том, что весьма древний нарциссический культ, в который ритуал любования собственным отражением входил составной частью с очень давних времен, воспринимается современным человеком весьма односторонне, только как отблеск, говоря словами Эсхила, «того тусклого света забытого греха...», мифа о самоубийстве на почве самолюбования. На самом деле миф всегда мудрее и многограннее, и существование соответствующего ему культа свидетельствует ни много ни мало о наличии эзотерического знания о «взаимопревращении природ». Древние философы называли это словом «аллойосис», взаимопереход, а исторический ритуал часто способствовал такому переходу природы человека из одного ее состояния в другое. Поэтому, он полагал, только дважды в день следует смотреть в зеркало: при переходе души от состояния сна к состоянию бодрствования и при обратном движении.

Слышался ход часов, и где-то за стеной (а может быть, ему это показалось) сорвались в «Полете» вагнеровские Валькирии.

Вернувшись с такими размышлениями в реальность нового дня, Андрей Вениаминович собственноручно приготовил легкий завтрак, склонился над еще дремлющей в пурпурной постели нимфой Айной, любовно и нежно собрав в горсть ее иссиня-черные, разметанные по подушке волосы. Открыв глаза, настолько темные, что Андрей Вениаминович с удивлением разглядел в них свое отражение, Айна сладострастно потянулась смуглым прекрасным телом, приняла прохладный душ и не спеша разделала с ним трапезу, в которую вошли: маслины из Тунниса, копченые угри из реки Мэандра, двустворчатые исполинские раковины, запеченные в сладком сиракузском вине, свежие устрицы из Абидоса, рябчики из Египта, приготовленные в грибном соусе, овощи из Аскры, аттические смоквы, из-за которых около двух с половиной тысячи лет назад Ксеркс предпринял поход в Грецию, небольшой скирос со свежим соком облепихи из поймы алтайской реки Катуня, крынка овечьего молока из высокогорной Медвежьей страны и кофе «Моккона», приготовленный с капелькой настоящего «Наири», т. е. все то, что составляло суть всякой «трапезы, демонам посвященной», от которой предостерегал настоящего христианина еще Тит Флавий, аскетический христианский учитель, ибо ожесточенно и ошибочно полагал, что «пища не приближает нас к Богу».

Когда «Полет Валькирий» сменила за стеной едва слышно «The screen behind the mirror», Айна вновь удалилась в ванную и Камнев услышал вибрирующий звук воды, рвущейся в трубах, кинулся вслед, но было поздно.

«Черт, возьми! Она опять приняла слив водопровода за подземный источник. Ну, что делать с этими хтоническими ведьмами. Теперь она либо не вернется вообще, так как придет в себя только где-нибудь возле дамбы. Либо вернется в таком виде, что ее не отмоешь...» Иногда Айна уходила от него таким путем.

Щелкнув замком двери, он нос к носу столкнулся с соседкой по площадке Пифой Никифоровной.

— Ой! Андрей Вениаминыч, вид у Вас блестящий и бодрый! Как будто холодный душ по утрам принимаете, — задушевно прошипела она своим усатым ртом. — Что бы это значило? И чем все это кончится?

— Вот и началось, — подумал Андрей Вениаминович, сосредоточенно разгля-

дывая кусочек лаврового листа, приставший к жирной морщинистой губе соседки. Он нее исходил запах жженого ячменя. — Как все Пифы, задает двусмысленные вопросы. Накаркает еще. . .

— Нет, Пифа Никифоровна, вот и не угадали, — ответил он досадливо-сладко, — вид у меня бодрый оттого, что каждое утро перед транспортом я натираюсь оливковым маслом. А масло я покупаю, между прочим, в международной зоне Пулково . . . По десять долларов за литр.

Оставив пожилую женщину в состоянии некоторой интеллектуальной растерянности, Андрей Вениаминович углубился в тревожные сомнения, внезапно всплывшие в лифте как плотный нездоровый туман из расселины Парнасской горы. Вчерашняя встреча моего друга Андрея Вениаминовича с Айной не была случайной, и сейчас он уже не заблуждался на этот счет: слишком бурной была эта ночь плотской любви, слишком изящно это тело, внешне хрупкое, но гибкое и сильное, забравшее от него столько телесной энергии и наделившее стольким количеством душевной силы, слишком необычен восточный выговор ее имени, чтобы Андрей Вениаминович Камнев, преподаватель истории магических практик, не мог не задуматься об истинной, профетической природе этой встречи. Правда, говорить с ней было особенно не о чем, так как в своей ближайшей инкарнации она явилась ему нимфой соседнего ларька, и это временное состояние наложило печать на ее умозрительные способности. Однако встреча была неслучайной и, прощаясь с Айной, он думал о том, что встреча эта окажется предвестием чего-то опасного и неожиданного в его жизни. Возможно — научного открытия: ускользающая демоническая природа встреченной им женщины таинственно указывала на предвестие решения проблемы, поставленной еще в том давнем ноябрьском разговоре, в кафе «Бристоль»: проблемы осуществления искусственного перехода в прошлое при помощи магического зеркала. Подобные существа, а Айна была юна и изящна как молодая Медея, еще не освоившая пагубную науку смертоносного волшебства, проявляют себя только в момент, непосредственно предшествующий открытию, и исчезают вместе с ним, оставляя в душе непреходящий аромат своей сущности. Существа другого рода время от времени также появлялись в жизни Андрея Вениаминовича, но он-то прекрасно знал, что полная грудь и пышное тело — это предвестие иного порядка. Он думал об этом в описаном котами лифте, в метро, со всех сторон окруженный отражениями дремлющих, читающих, сосредоточенных лиц попутчиков.

В то июньское утро, торопясь на встречу с ожидающими его участниками научного сообщества, назначенную в Центре Борхесианских исследований университета, он столкнулся и с неблагоприятным знамением. В наружной охранно-чайной галерее здания Двенадцати министерств, он неожиданно встретился с «деканом» Периандровым.

Человек, которого называли «декан Периандров», был высокий долговязый старик, издали напоминающий шкодливого детсадника, застигнутого в момент, когда он, поддавшись искушению пробуждающегося естества, подглядывает за переодевающейся в служебной комнате няней, но при более близком рассмотрении выражение глаз этого шестидесятилетнего детсадника наводило на мысль о гораздо более серьезных отклонениях от нормы, зашедших гораздо дальше, чем нездоровый, но все же безобидный интерес пятилетнего ребенка к географии женского тела. Поэтому Андрей Вениаминович, как всегда, почувствовал при этой встрече обычный холодок демонической опасности. Со своей не очень окладистой седой бородой с испещренным багровыми алкоголическими прожилками лицом, в старой голубой футболке с изображением застиранного ялтинского пейзажа на животе и мятых синих джинсах этот старик был похож на персонаж давней сказки «О потерянном времени», и это сходство напомнило Андрею Вениаминовичу о постоянном присутствии в его жизни и таких низших существ, цель и назначение

которых состояли в смущении мыслей и доставлении всяческих неприятностей. Университетские старожилы рассказывали о том, что Периандров действительно когда-то был то ли деканом, то ли заведующим одной из кафедр факультета метафизики университета, но от чрезмерного умственного напряжения и злоупотребления алкоголем оскудела главенствующая часть его рассудка, и теперь, считаясь достопримечательностью университета, одинокий и вздорный старик бродил по его галереям и коридорам, цепляясь ко всем с двусмысленными разговорами. Студенты из жалости или ради жестокой потехи иногда угощали его пивом, куражились, вступая с ним в скабрзные разговоры, но в более серьезных научных кругах встреча с Периандровым считалась плохой приметой, ее старались избежать непосредственно перед ответственным экспериментом, защитой диссертации или научным открытием.

— А вот Вам-то, господин Камнев, я руки и не подам, — надтреснуто взвизнул Периандров, старчески брызнув слюной из грязно-розового рта, когда Андрей Вениаминович поравнялся с ним, — потому что Вы еще до этого не доросли!

Камнев всегда неуютно ощущал себя под мерцающим отблесками порока дурным глазом Периандро́ва, но, как истинный философ, более чем кто-либо другой, представлял себе истинную природу этого существа, объясняя ее в терминах стоической психологии с легким оттенком гностической диагностики: потеря ведущей части рассудка — «гегемоникона» — обрекала человека на пожизненное соматическое существование, а остаток его души — на вечное пребывание в роли демона низшего разряда.

— Разумеется, поэтому я тоже не решаюсь пожать Вашу руку, — терпеливо ответил Андрей Вениаминович, стремясь быстрее завершить эту неприятную встречу.

— А вот дерзость Вам не к лицу, потому что пожать руку декана Периандро́ва мечтает каждый из вас, — Периандров сделал какой-то бессознательный и со стороны довольно неприличный жест около пояса, — пожимание руки декана — это залог успеха для молодого человека, — продолжал Периандров проницательно и истерично. — Более того, я очень хорошо представляю, чем вы там занимаетесь в вашем семинаре катопротромантин, — зловещим шепотом добавил он. И тут же присовокупил бессмысленную на первый взгляд фразу:

— Я мог тут же уничтожить Вас, но пока я дам Вам совет: никогда, при встрече с мной, не дожидайтесь, пока я протяну Вам руку первым. Потому что, я — ваше отражение, в котором вы можете увидеть свое возможное будущее. Вы же не протягиваете руку своему отражению в зеркале?

При этих словах он резко, как человек, занятый слишком серьезным делом и при этом глубоко разочарованный в окружающей его вселенской глупости, резко повернулся и пошел прочь подпрыгивающей жалкой походкой.

Сразу после этой встречи Камнев обратил внимание на необычное стущение пурпура вокруг. Вдоль галереи Двенадцати министерств в это предобеденное время неторопливо прохаживались пожилые боги индигамента, прямые, как посохи, жрецы в высоких шапках из рыжего лисьего меха, авгурьы с медными подзорными трубами в руках, гаруспики с тяжелой бронзовой печенью под мышкой. Здесь же разгуливали молодые нимфы в юбочках, настолько коротких, что один их вид мог бы отвратить Андрея Вениаминовича от пути открытия, намеченного им на этот день, — вместе с кудлатыми сатирами они потягивали «Студенческое» прямо из горлышка гранатового цвета бутылок; были здесь и простые смертные девушки, одетые в облегающие малиновые костюмы. И они казались соблазнительными, как будто бросали своим видом вызов не только намерениям ученого, но и самой добродетели пожилых богов — это были те самые женщины, о которых рассказывал еще Василид, что именно к ним спускаются влюбленные архонты, чтобы сойтись с ними и проговориться о тайне бытия; и тогда мир на какое-то время утрачи-

вает свою разумность, ведь этот проступок извечно повторяет ошибку первого умопостигаемого Адама, некогда заглянувшего в самую бездну материальности. Несколько яростно-веселых вакхантов, дышащих винным перегаром, с бутылками «Четверки-Балтики» в руках, вглядываясь в жидкое зеркало пьянящей влаги, обсуждали подробности вчерашнего тайного действия, строгие юноши-платоники в розовых джинсах под белоснежными хитонами сосредоточенной походкой направлялись к кафедральным жертвоприношениям, обнаженные атлеты-герои спешили в палестру или разминали мышцы прямо во дворе, а на траве возле старинного памятника героям Персидской войны, среди пионов и алых тюльпанов вольготно расположились эпикурейцы, циники и гимнософисты восточного факультета, согреваясь в лучах набирающего силу июньского солнца. Время от времени можно было поймать легкомысленный и высокомерный взгляд «прогуливающихся» философов.

Пробираясь сквозь эту пеструю толпу сущностей, принадлежащих по своей природе к самым различным разрядам, Андрей Вениаминович еще раз ощутил неблагоприятное веяние демонического присутствия. Как будто от звуков карийской флейты нечто жалобно сжалось у него внутри. Так, проходя мимо летнего кафе, он почувствовал обжигающую чувственную волну вредоносных флюидов, исходящую от юной гарпии, которая расположилась на полиэтиленовом стуле под синим зонтиком. Она привлекала внимание даже не тем, что была совершенно обнажена, — огромная копна ярко-рыжих волос словно пламя окутывала ее с ног до головы и скрывала все, что могло бы привлечь нескромный взор исследователя, — дело было в том, что в это самое время она накладывала макияж, рассматривая свое лицо в большом стеклянном бокале как в зеркале, при этом бросались в глаза чрезмерно удлиненные окровавленные ногти на пальцах рук и ног, обутых в белоснежные босоножки.

«В течение жизни, — подумал Андрей Вениаминович, — все мы стремимся всматриваться в какое-то одно излюбленное зеркало — бронзовое, серебряное, жидкое, хрустальное или живое — но при этом забываем, что долголетие фантомов, порождаемых этим взаимоотношением взгляда и отражающей поверхности, зависит не столько от качества взгляда, сколько от субстанции, из которой изготовлено зеркало, и искусности его изготовления. Дольше всего фантомы живут около серебряных зеркал, магически заряженных еще в глубокой древности. Поэтому сегодня мы близки к разгадке тайны как никогда».

У одного из синих зонтиков Камнев остановился, чтобы приветствовать кампанию старых знакомых. Элла Львовна Пониянц, нервная жгучая брюнетка, эмоционально повествовала историю своего сына-гения:

— Понимаете, у моего Вовочки проблемы в гимназии. А дело-то все в том, что он — гений. Ну, маленький гений! Он сочиняет стихи как говорит. Но стихи, вот эти самые, детские — с черным юмором. Например, позавчера выдал: «Я бы в киллеры пошел, Пусть меня научат. Быть убийцей хорошо, Но альфонсом лучше». И это на уроке литературы! . . .

— Талантливый у Вас малыш. Но, я Вас умоляю, пусть не подражает авангарду. Это уже давно не интересно. Сейчас столько хороших поэтов. . . Ну, или вот что-нибудь свое в том же духе, вот это да! — мягко успокоил Эллу Львовну Андрей, и, не задерживаясь на размышлении о судьбах новых поколений, двинулся дальше.

В кабинете катопротомантии Центра Борхесианских исследований университета его уже ожидали участники семинара по технике гадания на этрусских зеркалах. За большим дубовым столом овальной формы расположились Юрий Романович Михайлов, преподаватель курса этой древней дисциплины на факультете метафизики, его последователь О. А. Гольф, автор выдающегося труда «Мистические философские учения эпохи Николая Кузанского, отраженные в третьем

зеркале» (в «третьем», поскольку при исследовании документов эпохи, материал на письменном столе ученого был расположен так, что изучению подлежал не сам документ, а именно его отражение в третьем по счету зеркале — тем самым исследователь стремился не исказить, но изменить точку зрения метафизического осмысления документа), я (директор Центра Борхесианских исследований), Алексей Дмитриевич Всецельнов, автор известного исследования «Демургические концепты валентинианского гнозиса: анализ метафоры отражения», проф. В. С. Дуров, автор известного биографического очерка о Луции Агенобарде Нероне, проф. Владислав Мавзолеев, председатель Платоновского общества проф. Р. В. Светлов. Вокруг овального стола расположились также гости: английский коллега Джонатан Миррор, швед Бьери Шпегл (университет г. Лунда), французский историк Аппий Делят, гавайская ведунья Мария Смит, тибетский учитель Иван Толь, алтайский шаман Алексей Кюско, персидский маг Сергей Абдулаевич Мухаммедзянов, переводить которых взялся наш друг Павел Гроховский, и ассирийский халдей Йонас Соломонида, не требующий переводчика, потому что и так владел всеми языками. Из Германии присутствовали мой старый друг проф. Гёттингенского университета Мартин Хайдеманн и заведующий междисциплинарным сектором «Erguskische Spiegel» Ганноверского института философских исследований Артур Эрнестович Зеелински. Были также один странного вида и совершенно опустившийся божьющий белый маг и несколько «отмороженных» аспиранток из Лаборатории метафизических исследований.

По всему длинному балкону вдоль окна, выходящего на Менделеевскую линию, тянулся накрытый стол, за которым темнокожая вольноотпущенница уже заканчивала приготовление закусок и напитков для участников симпозиума, представляла кратеры со светлым ариусским и красным хиосским, приправленным фасосским и ароматическим лесбосским винами, ферикловы бокалы, лаврунии, чаши, укусницы, тарелки, блюдечки и блевательницы. А на центральной стене зала, на месте меловой доски, было подвешено огромное, отдаленно напоминающее столовый прибор, этрусское серебряное зеркало.

Рассказывая обо всем этом, я вспоминаю, что мой собственный путь к этому дню был иным. Прошло полгода, как я вернулся в Питер из Аргентины. Затем около месяца гостил в швейцарском Фрайбурге у Изабель Фонляnten. Здесь я закончил заказанную мне Х. Л. Борхесом статью о зеркалах X эпохи цивилизации Тлена на археологическом материале ежегодника «Archeologia Orbis Tertii». Помню, Изабель была в восторге от этого сочинения. В тот момент мне казалось, что она любит меня.

Статья носила скорее историко-культурологический, чем метафизический характер. Дело в том, что в эпоху X Тлена на острове Мэн, где утвердилось философско-олигархическое правление, был принят закон об использовании исключительно вогнутых зеркал. Закон был принят с беспрецедентной педагогической целью — воспитать в гражданах этого государства осознанное недоверие к чувственному восприятию и полную убежденность в истине умозрительных вещей. Платонический идеализм был заявлен в качестве государственной идеологии. Правда, олигархи, как всегда, перегнули палку — непримиримых сенсуалистов преследовали, переводили на нижеоплачиваемую должность, увольняли с работы и даже составляли «черные списки», а самых «упертых» определяли в особые изоляторы, где ограничивали в пище, посадив на пифагорейско-орфическую диету: свежий хлеб и сыр, оливки, сушеные смоквы и молоко, по выходным и праздникам подавали разбавленное вино и мясо молодого козленка. При этом помещение, в котором содержался человек, было устроено таким образом, что со всех сторон его окружали вогнутые зеркала, и по многу часов в день голос за ширмой читал воспитуемому вслух акусмы Пифагора и диалоги Платона. Конечно, всякие попытки курить и чифирить жестко пресекались, предлагая взамен жевательную смесь

из листьев лавра. Правда, в Центральном университете Тлёна олигархи ради исторической истины оставили кафедру по изучению сенсуализма, где в качестве археологических экспонатов прошлой эпохи были сохранены обычные зеркала. Вскоре кафедра приобрела скандальную известность: под разными предложениями сюда стремились леди, молодые девушки и даже дамы преклонных лет. При этом в ход шли самые разные предлоги и уловки: от написания диссертаций до самых откровенных предложений. Более того, большинство их составляли довольно привлекательные особы. Это же, в свою очередь, создавало благоприятную почву для сплетен, скандалов и недоразумений. В архиве эпохи X я обнаружил множество административных и даже судебных дел, связанных с пресечением реальных и мнимых злоупотреблений, которые позволяла себе мужская половина сотрудников и руководителей кафедры, злоупотреблений, увы, скандального порядка.

В своей же статье я указал на тот несомненный факт, что всякое законодательное и административное подавление философских идей, насколько бы они ни были ложны, — пагубно проявляется в дальнейшей истории: с окончанием эпохи вогнутых зеркал, в сознании нового поколения интеллектуалов начался неудержимый ренессанс сенсуализма, дошедший до полной разнузданности и цинизма. Пышно расцвели кафедры переоценки ценностей, негосударственные университеты «жизненной простоты», называющие себя Киносаргами, в умах все более популярной становилась «философия имени для одной вещи». Развившийся в результате этого идейный и этический партикуляризм погрузил общество в пучину культурного хаоса, в котором стало модным подвергать крайнему отрицанию универсальные человеческие ценности: на веру принимались только истины физиологического естества, когда-то впервые высказанные сократиком Антисфеном. Конец X эпохи Тлёна на острове Мэн поэтому был плачевен: очень скоро общество пришло к осознанию неизбежности тирании, во главе которой встал некий адмирал д'Артаньян, бывший королевский флибустьер. Причина столь удивительного совпадения имен названного тирана и любимого нашим читателем литературного персонажа А. Дюма мне неизвестна. Я думаю, что ее объяснение содержится в одном из первых томов энциклопедии Тлёна, но он отсутствует в моей личной библиотеке.

Отослав статью в Библиотеку (последнее место работы мэтра), в очередной раз я сделал предложение Изабель, но когда тебе тридцать пять, а девушке — двадцать два, — при этом она красива, поверьте, это бесполезно. Швейцарские девушки, как и русские, больше верят молодым и богатым, чем бедным и не очень уже молодым. Вскоре она, корреспондент одной крупной цюрихской газеты, получила командировку в Пекин, я же вернулся в Отечество слегка разочарованным, но энергичным и полным творческих планов. И тут-то мы и оказались в баре «Бристоль», что на 6-й линии Васильевского острова, где состоялся тот памятный разговор, положивший начало идее семинара. Я сразу принялся за подготовку задуманного.

Темой заседания был назначен небольшой, но очень важный эпизод из жизни римского императора Нерона, в котором шла речь о раздвоении его личности. Эпизод восходил к сообщению Тацита в V книге «Анналов» и взят за основу для известного труда проф. В. С. Дурова. Сегодня под руководством Андрея Вениаминовича участники семинара путем применения магической техники должны были увидеть воочию весь эпизод, завершающий многомесячные усилия по поиску истины. К этому времени был проделан немалый труд.

Должен сказать, что некоторое время под руководством лучшего знатока проблемы проф. Мавзолеева я посвятил изучению символики этрусских бронзовых зеркал и техники гаруспиций, одновременно собирал материал для большой статьи об императоре Нероне, продолжающей обоснование гипотезы проф. В. С. Дурова, и часто обращался к Андрею Вениаминовичу за консультациями по поводу слож-

ных латинских кусков из Корнелия Тацита, отсутствовавших в последних академических изданиях «Анналов», но присланных мне проф. М. Хайдеманном из рукописного отдела библиотеки Гёттингена. При этом часто наши разговоры переходили в область метафизических исследований. И здесь я уже выступал не столько в роли дилетанта, сколько в качестве вполне достойного собеседника.

В тот памятный вечер, проведенный в баре «Бристоль», состоялся разговор, который, как я уже отметил в своем рассказе, положил начало идее события.

— Фюсис человека, — сказал мне Андрей Вениаминович совершенно в соответствии с учением гностика Валентина, — тройственна. И природа эта не просто тройственна, но триедина: во сне человек живет «психической», или душевной жизнью, т. е. его душа самостоятельна в этом состоянии, в бодрствовании, когда человек занят удовлетворением своих телесных потребностей — он ведет «соматический» вид существования, когда же он философствует (в широком смысле этого слова), то осуществляется образ жизни, который следует назвать «пневматическим», или духовным. Но, в отличие от Валентина и других аналогичных систем, мы должны принять вслед за Василидом более крайнюю точку зрения, а именно: все три способности состоят присосными к «телу» души. Именно благодаря этому человеческая душа как некое целое может совершать передвижение из одного сущностного разряда в другой.

Так рассуждал он голосом, несколько охрипшим от зажатой в углу рта и едко дымящей беломорины, потягивая пиво в компании двух собеседников — моей и Аристарха Нестаканова, — сырым ноябрьским вечером. Нестаканов, будучи эоном психологического факультета, все свое учебное и свободное время проводил исключительно в пивных Васильевского острова и слыл при этом чрезвычайно покладистым и внимательным собеседником, так как в течение всей своей карьеры выпивал строго за чужой счет. Вот и сейчас Аристарх в знак своего абсолютного согласия со словами Андрея Вениаминовича, серьезно и задумчиво глядя в бокал, втянул в себя пиво глубоким и сосредоточенным глотком.

Это может показаться странным, но особенно часто мы говорили о серьезных вещах, когда вот так ни с того ни с сего оказывались в тех маленьких уютных кафе и рюмочных, которые расположены по обе стороны Среднего проспекта и всякий раз лежали на пути нашего продвижения домой, как острова Калипсо на пути Одиссея. В данный момент мы находились в конце этого нелегкого маршрута и поэтому успели приподняться в своем разговоре в область весьма высокого умозрения.

— Однако, Вениаминыч, — сказал я, — очень важно при этом иметь в виду различие между способностями, присосными к душе, о которых ты сейчас говоришь, и — самой душой, присосшей к телу. Чувствуешь разницу? Во втором случае мы впадаем в более примитивное гностическое учение, и, следуя ему, можем иметь дело только с демонами самого низшего порядка. Для того же, чтобы восстанавливать цепь исторических событий, мы должны работать в более широком демоническом диапазоне, т. е. взять на вооружение, по крайней мере, все тот же валентинианский гносис.

Хрустальный взгляд Нестаканова, обращенный ко мне во время этой речи, выражал полную со мною солидарность.

— Ну, конечно же, Алексей Васильевич! В этом все и дело... Только я тебя умоляю, не усложняй простых вещей. — Андрей Вениаминович удовлетворенно звякнул своим бокалом о мой, — Будем!

— При этом скажу тебе больше, — продолжал он свою речь после паузы, — пересматривая «Метафизику» Аристотеля, я пришел к идее, реализация которой может перевернуть или, напротив, подтвердить твою позицию относительно гипотезы о двух императорах Неронах.

— Я был бы обязан...

— Ну, так слушай дальше. Концепция «сущности вещи», как ее излагает Аристотель в «Метафизике», совершенно совпадает с идеей, реализованной в романе Бюна Касареса «Изобретение Мореля» и, видимо, лежит в ее основании: если «суть бытия вещи» может быть отвлечена умозрительно, мысленно, то что может воспрепятствовать ее физическому отвлечению? В одном месте третьей книги Аристотель прямо говорит о неких «промежуточных чувственных восприятиях» и живых существах, промежуточных между живым-самим-по-себе и живым привходящим.

Я остолбенело внимал развитию мысли Андрея Вениаминовича. Оно было безупречно. Аристарх при этом, выражаясь словами знаменитого современного перипатетика У. Эко, «изображал этрусскую улыбку».

— Так вот, правильно ли я полагаю: кому еще можно довериться больше в обсуждении подобных вещей, как ни старине Аристотелю? — сурово-риторически произнес Камнев.

Осушив мерцающий стакан, я откинулся в кресле и вдруг нечто неуютно беспокойное кольнуло меня, сквозь табачный дым и полумрак переполненного бара я ощутил сгущение пурпура и чей-то неприязненный взгляд, обращенный в нашу сторону. Тот самый «дурной взгляд», о котором говорят, что он причиняет вред. Сосредоточившись на дальнем столике возле двери с надписью «WC», я разглядел неопрятную седую шевелюру и клочковатую бороду декана Периандрова. Его безумный взгляд, полный потусторонней подозрительности и беспричинной ненависти, был направлен в нашу сторону, обдавая нашу подвыпившую компанию волной неприязни и гнева. Заказав три «Баккарди» у стойки, я вернулся за столик и поделился своим беспокойством с друзьями.

— Скажу тебе больше, Алексей Васильевич, — Камнев, сидящий спиной к надписи «WG», поднял свою рюмку на уровень глаз, как будто рассматривая окружающее сквозь рубиновый кристалл, — он наблюдает за нами. И он не простой сумасшедший, и вообще никакой не сумасшедший, он приставлен к нам теми, кто охраняет вход в область знания, на которую мы с тобой собираемся покуситься. Я думаю, он — записывающий демон. Когда-нибудь я произведу опыт и отвечу на этот вопрос более точно». Сказал спокойно, как будто давно знал о присутствии враждебной стихии и готов был к объяснению этого присутствия. Мы выпили, как римляне, за беспрепятственный вход и выход.

— Ты его заметил? — спросил я.

— Когда мы спускались в эту пещеру нимф, он мочился на водосточную трубу в двадцати шагах от нас. А мимо него как будто ни в чем ни бывало прошли два мента в патруле. Это неспроста, — несколько отчужденным тоном пояснил Камнев и жесточенно захрустел «чипсами».

— Но почему он в бордовом пальто? — спросил я.

— Когда наступает поздняя осень и день в Петербурге сжимается до четырех-пяти часов в сутки, он думает, что служит в бюро ритуальных услуг. И не в каком-то там, а в Бюро-Как-Таковом, и что у него там особая должность — водителя душ, — ответил мне очнувшийся от рома Нестаканов, проявив при этом необъяснимую для меня осведомленность.

— Я недавно пил с его лечащим врачом, — пояснил он, заметив мой недоуменный взгляд.

— Вот как. Все-таки он того ... Еще один, заблудший в зазеркалье. Не думаю, что он опасен для нас в наших метафи... мета..., ну в общем в наших ис... следованиях, — фразы давались мне все с большим трудом. Ром оказал на меня обратное действие. В отличие от моих взбодрившихся коллег мне пора было идти домой.

Допивая пиво, неосторожным движением я опрокинул бокал с остатками жидкости. Он разлетелся на сотни мельчайших хрусталиков, в которых вспыхнули

червонные блики от декоративно-кирпичных стен бара «Бристоль».

— Богам! — торжественно произнес Аристарх... И мы двинулись из бара прочь.

Из этого разговора видно, что уже тогда — а разговор в баре «Бристоль» происходил за несколько месяцев до начала описываемого мною события — мы сосредоточились на исследовании возможности отделения тела души от физического тела как такового. Главной же целью было доказать раздвоение императора Нерона не только на личностном, но и физическом уровне.

Тем временем, открывая заседание, я произнес краткий спич. Позволю себе воспроизвести его дословно:

«К богам. .! К языческим богам прежде всего обращается взгляд человека, производящего магическое действие. Коллеги, мы собрались сегодня, чтобы присутствовать при апробации уникальной идеи, которая несколько месяцев назад пришла в голову мне и Андрею Ивановичу почти одновременно. Не скрою, она стала результатом своеобразного и довольно серьезного каталептического исследования. Речь идет об опыте извлечения сущности вещи из ее образа, оставленного в зеркале много веков назад.

Философское обоснование того, как возможен подобный вид катоптромантии, мы обнаруживаем в самых известных классических и постклассических учениях древних философов. Я имею в виду, конечно и прежде всего, Платона и Аристотеля. Учение о сущности вещи, созданное Аристотелем, вам хорошо знакомо. Вкратце, речь в нем идет о форме вещи, которая обладает свойством не только быть рационально отвлекаемой в процессе ее умозрения, но и отражаться во всяких зеркальных предметах. Предшественник Аристотеля Платон говорит в диалоге «Софист» о том, что «все необходимо должно быть полно отображений, образов и призраков», поскольку вещи, созданные богами, в число которых входят и живые существа, сопровождаются отображениями. Есть «два произведения божественного творчества: сама вещь и образ, ее сопровождающий». Эти образы, говорит Платон здесь же, бывают следующих родов: во-первых, те, которые «во сне», во-вторых, «все те, которые днем называются естественными призраками: тени, когда с огнем смешиваются тела», в-третьих, «двойные изображения, когда собственный свет вещи и чужой сливаются воедино на блестящих и гладких предметах и порождают отображение, которое производит ощущение, противоречащее прежней привычной видимости». Природу возникновения образа Платон уточняет в «Тимее»: «если внутренний и внешний огонь вступают в общение и сливаются воедино возле зеркальной глади, многообразно перестраиваясь, то отражение по необходимости возникнет, как только огонь, исходящий от лица, сольется возле гладкого и блестящего предмета с огнем зрения. При этом левое будет казаться правым, ибо каждая часть зрительного потока соприкоснется не с той частью (встречного света), как это бывает обычно, а с противоположной. Однако стоит только свету при сопряжении с другим светом повернуть в противоположную сторону, и правое будет казаться правым, а левое — левым». То есть все это именно то, что мы называем «эйдолон» — «отображения в воде и зеркале, картины и статуи и все остальное в том же роде». При этом «человеку осмотрительному» он советует более всего соблюдать осторожность в отношении «подобия», ведь те способны стать «картиной, агалмой, или всем остальным в том же роде». Идеи, высказанные здесь Платоном, получают развитие у Аристотеля, который в «Метафизике» говорит о существовании «помимо эйдосов и чувственно воспринимаемых вещей и промежуточных чувственных восприятий». Согласно этому всякая вещь, обладая сущностью-формой, неизбежно наполняется субстратом. И в этом отношении важно высказывание нашего замечательного современника, который утверждает, что «если каким-то неизвестным способом навести в зеркале отражение свечи — то для того, чтобы не нарушались физические законы, свеча обязана будет возникнуть перед зерка-

лом из пустоты”. Вот, собственно, начало и конец метафизического обоснования зеркальной магии, интерес к которой наличествует в так называемом “реанимированном”, среднем платонизме I в. до и II в. после рождения нашего Спасителя. Литературно этот факт зафиксирован в известной “Апологии” Апулея, в которой сквозь оправдательные пассажи, шитые, что называется, белыми нитками, и аргументацию против магии, высказываемых Апулеем с единственной целью — спастись от наказания, которому это занятие подлежало в провинциальном Карфагене, с полнейшей очевидностью следует его глубокий интерес к зеркальной магии. Эпоха Ямвлиха и Прокла лежит уже за пределами нашего интереса».

После меня слово взял французский коллега Аппий Делят: «Мсье! Я глубоко восхищен самой идеей опыта, совершаемого сегодня. Ведь речь идет о разгадке секрета одного из величайших феноменов истории — феномена “неронизма”. Как показал в своем исследовании известнейший французский коллега Эжен Сезек, Луций Агенбард Неро был просто несчастной жертвой тяжелейших обстоятельств: развратные родители, трудное одинокое детство в патрицианских дворцах в окружении философской и артистической богемы — все это не могло не оказать пагубного влияния на тонкого и впечатлительного мальчика и является достаточным основанием для объяснения того феномена титанизма, который проявился в его невероятной, фантастически изощренной развращенности. Изнасилование и уничтожение сводного брата Британика, инцест и организация убийства матери Агриппины, вступление в брак с мальчиком-кастратом, расправа с воспитателем Сенекой — все это можно рассматривать как феноменальное, небывалое проявление античного титанизма, и мы, представители историко-биографической школы платонического психоанализа, обозначаем это термином “физиологический уровень смещения предела и беспредельного” в истории. На других уровнях титанизм проявляется более утонченно. Например, на артистическом это организация великопленного пожара Рима, на философском — тонкая психологическая игра с учителем Сенекой, заставившая того вернуться к первоначальной метафизической субстанции, т. е. окончить жизнь в согласии со стоическим учением о возможности самоубийства. И наконец, сегодня мы обсуждаем “близость к божественному”, на уровне которой произошла, как вы предполагаете, материализация артистической стороны личности принцепса. Я восхищен этой идеей!»

Юрий Романович Михайлов высказался о стоических аспектах предполагаемого опыта. Поскольку мы хорошо знаем о том, что практически единственной популярной философией римского общества являлся стоицизм, сказал он, то мысль об отделении и материализации одной сущностной стороны души в процессе магического действия несколько не противоречит этой философии. Ведь огненно-пневматическая природа души, согласно стоицизму, являясь частью космической пневмы, способна отделять собственный экстракт для воодушевления иного тела. И если таковым является зеркальный эйдолон, то проблема заключается только в способах материализации последнего.

Проф. Мавзолеев, обратив наше внимание к серебряному этрусскому зеркалу, сообщил, что мы еще мало знаем о магических практиках этрусков. Но при этом хорошо осведомлены о необычайно многочисленном демоническом мире, сопровождающем жизнь этого народа. Общение с демонами составляло здесь основную часть религиозных практик. Поэтому гипотетическое допущение синкретических влияний на позднем этапе этрусской религии, когда мы сталкиваемся лишь с остаточными ее явлениями, вполне могла повлечь за собой включение магических действий.

После некоторой дискуссии и ожидания всеобщего сосредоточения, решающее слово досталось Андрею Вениаминовичу Камневу: «Коллеги, наш опыт катоптромантии неизбежно исходит из опыта историко-философских интерпретаций. Последний можно подразделить на искусство перевода, которое дает возможность

совмещения коннотаций древнего и современных языков, искусство воссоздания культурно-исторической ситуации и последовательности идейного процесса, и, наконец, искусство самой интерпретации, которое иначе следует называть искусством создания новых смыслов, новых эйдетических структур, или, выражаясь словами одного нашего коллеги, “новых метафизических ценностей”. Между тремя видами проникновения в историю культуры существует тесная взаимосвязь, обеспеченная общностью предмета исследования: если в первом энтелехия предстает в своей статичности, или, скажем так, безразличии к истории, то второе искусство открывает место энтелехии в динамике эйдетических структур истории, а третье — главенствующее — представляет ее нам в преобразованном, обновленном виде. И это последнее является результатом имажинации, свойственной очень немногим мыслителям современности.

Сейчас перед нами древнее этрусское зеркало. Мы его созерцаем благодаря нашему другу Аристарху Нестаканову».

— Арик, как тебе это удалось? — спросил я шепотом.

— Я пил с главным хранителем фонда этрусских древностей. . . в Эрмитаже, — ответил он мне невозмутимо.

Камнев тем временем продолжал: «Предположительно это то самое зеркало, с помощью которого, по сообщению историков, гарусник Терренций Спекула воспроизвел древний обряд материализации образа перед известным путешественником императора Неро в Грецию. Оформление зеркала имеет весьма сложную символику, воспроизводящую некое космологическое представление. В нижней части овального орнамента вы видите изображения демонов преисподней, центральной фигурой здесь выступает сам Тухулка, — вот он в образе грифа с лошадиными ушами, черной окладистой бородой и волосами, поднимающимися в виде змей над головой, — космологическая сущность которого, по некоторым разделяемым мною данным, восходит к аркадийско-лемносскому подземному Гермесу, культ которого дал начало многим мистическим религиям античного мира. Исходя из изложенных выше соображений, я предположил, что в веке первом, веке греко-римско-восточного синкретизма, было бы совсем не удивительным обращение к хозяину зеркала с заклинаниями более смешанного происхождения. Целью такого рода обращения служит, конечно же, актуализация симпатической цепи, которая связывает все предметы, когда-либо в нем отраженные, и способна привести нас, знающих тайное заклинание, к временной визуализации какого-либо из этих событий. Напоминаю, друзья, что мы совершаем эксперимент, т. е. я произнесу несколько такого рода формул, могущих, на мой взгляд, относиться к этому зеркалу. А затем мы посмотрим, что из этого выйдет».

Все, что произошло потом, было, конечно, серьезным просчетом не только со стороны Камнева, но и моей. Но кто же мог предусмотреть истинные последствия игры с таинственными силами природы? Камнев произнес заклинание, которое вызывало не просто визуализацию, но и своего рода перерождение образа:

Призываю тебя,
о павиан,
блестящий волосами,
с приятной наружностью, при весах,
ибис почтенный,
возлюбленный, прекрасный гермафродит,
восполнитель ока, при часах,
ученый, имеющий детородный орган цвета спелой смоквы,
книжник,
рассудитель словес,
сладкоязычный,
передовой по месту обладатель дискурса,

прекрасное подобие Хепры,
глава Эннеад,
сияющий, как единый,
южный лев,
с высокими перьями,
родивший себя сам.

Яви нам здесь и сейчас день, год и место и час события, совершенного гарусником Спекулой, породившим второго Луция Агенобарда Неро!

И вот какое-то странное завихрение воздуха, исходящее от серебряного зеркала произошло в слабо освещенной зале, как будто тысячи пылинок-атомов в самопроизвольном отклонении взметнулись в потоке солнечного луча, и вот уже Андрей Вениаминович предстал не в серой пиджачной паре, а в длинной пурпурной тоге с широкой золотой каймой, замороженным участникам почудилась далекая, почти нереальная, щемящая мелодия флейты, сопровождаемая кимвалами и трещотками, и вот уже вовсе не Андрей Вениаминович стоял перед ними, а этрусский гарусник в широкой русской бороде, с золотой серьгой в левом ухе и алой лентой во вьющихся волосах предстал у царственного ложа тирана-императора. Да и сами они были уже не те, а присутствовали здесь сухопарый лысоватый Сенека со спокойным философствующим взглядом, его юный ученик, атлетически сложенный румяный Луцилий, сутулый длинноносый Петроний с хитроватыми глазами-маслинами и безбородый, рыжеволосый, хилый Тигеллин, задумчивый египтянин Херемон, одетый в тогу бордового цвета, пожилой темноволосый Корнут, мастер по изготовлению зеркал Аугедий, александрийский платоник Евдор с просветленным взглядом, кельтский жрец и нордической волхв, галльский мантик и врачевательница африканских амазонок, таинственный безмянный гость из прародины европейских народов и гиберборейский жрец, прилетевший на золотой стреле из-за Репейских гор, персидский маг Порфирий и ассирийский астролог Малх, суровый и строгий германский посланник Гельдерих с оруженосцем, сирийский колдун Аполлоний и опустившийся циничный белый маг Деметрий, существующий на подачки принцепса, а также полуодетые монахини Кибелы — вездесущие сопроводительницы разврата императора. И, может быть, все это окончилось бы неплохо. Но неожиданно с шумом распахнулась дверь в аудиторию и удивленные полуримляне увидели, как в комнату ворвался старик Периандров, выкрикивая нечто возмущенно и обвинительно на незнакомом варварском наречии, кинулся к серебряному зеркалу с явной целью сорвать его. Никто даже не успел отреагировать на это наглое и грубое вторжение, все только увидели, как вращающийся поток воздуха сосредоточился вокруг бывшего декана, охватил его и стремительно меняя окраску принял по очереди розовый, красный, огненно-алый, рубиновый, гранатовый, багровый, и, наконец, грязно-лиловый цвет, в котором растворился силуэт Периандропа, стал медленно опадать на пол, где растекся бесформенной темно-вишневой лужей.

— Похоже, я произнес не ту формулу, — пробормотал в смятении Андрей Вениаминович. Стремительно пытаюсь спасти ситуацию, он начертил на зеркале несколько знаков — спасительных «характеров», но, боюсь, только усугубил ситуацию. Вишневая лужа вновь обрела вихревые движения, стала собираться в силуэт живого существа, внешний вид которого поначалу ужаснул нас всех. Но вскоре мы поняли, что в демургическом вихре возникли два тела вместо одного. Первым из них оказался довольно крупный экземпляр черной крысы-самца, но с розовым брюшком, указывающим на его синтетическую домашнюю природу, и длинным голым хвостом. Материализовавшись, животное мирно потирало лапками продолговатую мордочку и видно было, не испытывало при этом ни малейшего

дискомфорта. Вторым, как ни странно стал огромный рыжий кот, с совершенно бандитской и похотливой мордой, который, еще не придя в себя, испуганно и неуютно озирался вокруг, прижимаясь спиной к своей второй отделившейся сущности. Пурпур вокруг нас очень быстро рассеивался. Действие магических формул недолговременно.

— И «характер» совсем не тот, похоже, я начертил на зеркале, — вновь пробормотал Андрей Вениаминович сконфуженно — Увы, коллеги, зеркало сыграло с нами плохую шутку. Мы еще не все знаем о космосе и симпатических связях, соединяющих цепи вещей. . . Эксперимент не удался.

— Может, это и к лучшему? Ведь ты же помнишь, во что перековали демоны природу Нерона? — сказал я.

— А как звали этого человека? — спросил проф. Хайдеманн.

— У него было очень странное и имя и отчество. По паспорту он Горгий Продотович. . . , — ответил Нестаканенко, неодобрительно покачивая головой.

— Продотович?! Господи . . . Откуда это известно?

— Я пил с начальником отдела кадров, с тем, который теперь на пенсии. . .

— А-а-а. . . Понятно.

Вот что произошло в тот июньский день — неудавшийся научный эксперимент. Я бы так назвал происшедшее. Научный потому, что мы, сегодняшние ученые, как-то незаметно для себя утратили знание об одном из наиболее истинных видов научного знания — магическом искусстве, наиболее первобытном основании всякого научного эксперимента и очень трудно возродить заново эту утраченную науку наук. И ни исследование магических текстов, ни знание оракулов, ничуть не помогает нам в наших усилиях. Почему? Я думаю, дело в нашем плохом еще знании эпохи, даже о ближайших следствиях которой перипатетик У. Эко выразился совершенно агностически: «Вы представляете, насколько великой была эпоха между первых веков после рождения Христа? Не с точки зрения роскоши империи, приходящей в упадок, а относительно того, что расцветало в это время в средиземноморском бассейне. В Риме преторианцы перерезали горло своим императорам, а в Средиземноморье была в полном расцвете эпоха Апулея, мистерий Изиды, этого великого возрождения духовности, какими были неоплатонизм, гностицизм. . . . Благословенны времена, когда христиане еще не завоевали власть и не затравили насмерть еретиков. Прекрасны времена присутствия Nous, озаренные экстазом, заселенные присутствиями, эманациями, демонами и когортами ангелов. В те времена старые как мир знания были смутные, разрозненные. Они простирались к допифагорейской эпохе, к индийским брахманам, древним евреям, магам, гимнософистам и даже к варварам Крайнего Севера, друидам Галии и Британских островов». Пожалуй, сейчас еще более чем когда-либо мы далеки от подлинного проникновения в содержание тех далеких времен. Но мы стремимся, исследуем, выдвигаем гипотезы, ставим опыты. Один из них закончился вот так.

Напомню еще раз, я рассказал только свою версию события. На самом деле, все могло быть и не так, и от кого-то из моих коллег вы услышите совершенно иное изложение тех же событий. Это удивительно? Нет. Ведь любая история всего навсего правдоподобна, приближительна и представляет собой запись собственных впечатлений рассказчика. И главное в этой работе не истинные детали быта и даже — не истинное движение причин и следствий — а передача атмосферы события, его цветов, настроения, оттенков.

В итоге скажу, что обоим животным оставили их прежнее имя. Крыс Перя оказался очень коммуникабельным существом. Он чистоплотен, добр и мягок в обращении с близкими. Андрей Вениаминович забрал его к себе, и каждое утро они завтракают за одним столом, после чего Камнев продолжает работать над изучением древних магических формул: ведь гипотеза о двух Неронах так и не была ни подтверждена, ни опровергнута.